

5 ПОВЕСТЬ О ШАЛЯПИНЕ

Шалипин, Собинов, Нежданова... Эти люди подыали русское исполнительское искусство на недостижимую высоту.

Но популярных книг о них для молодежи до обидного мало. Правда, Федору Ивановичу Шалипину, признанному во всех уголках мира «русскому чуду», более повезло. Вдохновенные строки посвятил ему Алексей Максимович Горький в «Жизни Блума Самгина», в своих письмах. Интересная книга Льва Никулина «Федор Шалипин» дает яркое представление о гениальном певце.

После этого станет понятным, почему советский писатель С. Розенфельд в своей «Повести о Шалипине» (журнал «Звезда», № 2 за 1955 год) взял эпиграфом замечательные слова А. М. Горького:

«Ф. Шалипин — лицо символическое. Такие люди, каков он, являются для того, чтобы напомнить всем нам: вот как силен, красив, талантлив русский народ!..»

Повествование о великом русском певце ведется в произведении от лица главного сюжетного героя Николая Ивановича Орлова. Прием не нов. Он придает повести больше достоверности, но иногда связывает автора. И все же трудно отделаться от мысли, читая повесть, что перед нами не живой человек, Николай Иванович, а лицо служебное: в театре он служит осветителем, а у автора он находится на сюжетной службе. Поэтому нужно заставить себя поверить, что этого одаренного композитора, подающего надежды, полюбил Шалипин и принимал у себя как желанного гостя. Разумеется, именно такой сюжетный герой нужен был автору.

Но когда писатель вдохновенно говорит об исполнении великим певцом ролей Варлаама, Бориса Годунова, Мефистофеля, народных песен, партий Сусанина, Дон-Базилло, Дон-Кихота, Владимира Галицкого, Мельника, Еремки, это надолго запоминается.

Очень сильно изображено в повести исполнение Шалипиным роли Бориса Годунова. Всех современников поражала филигранная работа великого певца над образами. У него было продуманным каждое слово; каждый жест вызывался необходимостью и был оправдан.

Вот царь призывает силы небесные ограждать его «дитя родное от бед и зол, от искушений».

«Последние слова он доводит до едва уловимого звучания: голос его будто убеждает куда-то и вдалеке медленно замирает. Тут невольно напращиваются тысячи сравнений — с виолончелью, с журчаньем ручейка, с шелестом листьев, но все они совершенно условны, потому что голос Шалипина, как и его вокальное мастерство, тембр его голоса, окраску, оттенки, выразительность, особенно в те моменты, когда он поет пианиссимо, трудно с чем-нибудь сравнивать. Стоя на коленях и прижимая к себе Федора... он словно сжимает собственное сердце, гото-

вое вырваться вместе с отцовской мольбой о счастье сына».

Автору хорошо удалось показать требовательное отношение великого артиста к самому себе, к дирижерам, партнерам и даже режиссерам. Ради правды искусства Шалипин мог пожертвовать всем.

Правда, окружение Шалипина показано в произведении бледновато. Запоминается Рахманинов и исполнение им импровизации на заданную великим певцом тему.

О Горьком только упоминается.

Образ жены артиста создан из отдельных штрихов, хотя и утверждается, что она сыграла в жизни Шалипина немаловажную отрицательную роль. Мария Валентиновна неприветливо встречает гостей мужа, говорит о нем как о хорошем, но капризном ребенке, взволнованно слушает импровизацию Рахманинова — вот почти и все, о чем мы узнаем из книги.

Нельзя без волнения читать строки, где Шалипин рассказывает, как видел во сне мать, как у него в юности неделями «брюхо пустовало», как он получал «четвертную в месяц» и выступал в чужом костюме и обуви. Автор, видимо, сказал бы и больше, если бы его не стеснял им же выдуманный Николай Иванович: нельзя же певцу все время рассказывать о себе человеку, которого он маловато знает.

Перед нами вырисовывается сложный образ человека, признававшего в самом себе две души: художника и купчихи («люблю, собачий сын, деньги...»).

Хорошо говорит Шалипин в повести о даровитости русского народа, из гущи которого он вышел сам. Он признается, что однажды на Казанской пристани слышал «Поченьку» от подгулявшего бродяги и долго слезами обливался.

С горечью читаешь последние страницы повести о том, как вторая душа Шалипина — «душа купчихи» — победила.

Когда советская власть открыла двери консерваторий, театров, институтов бывшим беднякам, вроде самого артиста, Шалипина среди учителей советской молодежи не оказалось: он метался «по заграницам» в погоне за длинным рублем. И жизнь отомстила великому певцу: он ничего нового не создал там, ни одного образа, равного его Борису Годунову или Еремке. Он еще раз подтвердил своей судьбой: только на родной почве ярко расцветает талант.

Эпизод в повести с товарищем Егором как раз и говорит о том, что у Шалипина не было твердых политических воззрений на события в России, на свое место в революционной борьбе. А без этого разве выберешь правильный путь?

Книги о великих людях многому учат нашу молодежь. «Повесть о Шалипине» С. Розенфельда, несмотря на ее недостатки, мы надеемся, будет прочитана нашей молодежью с большим интересом.

Т. КОЖЕМЯКИН.